

Г. А. Праздников¹**ДВИЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ:
КУЛЬТУРНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА**

Важнейшим духовным продуктом марксизма является «антропологический оптимизм» — уверенность в том, что лучшее и справедливое будущее человечества возможно и для его достижения имеются эффективные средства. Совершенно очевидна и консолидирующая сила мировоззрения, «которая не дала русскому народу в момент цивилизационной катастрофы 1905–1920 годов рассыпаться на мелкие группы, ведущие “молекулярную” войну всех против всех». Марксизм «усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, посвященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению»².

Размышления о будущем и механизмах его «приближения» пронизывают все наследие К. Маркса. Но будущее рассматривается философом в эсхатологическом плане — как некое идеальное устройство, которое становится возможным лишь по ту сторону «глобальной революции». Источником развития и движущей силой истории Маркс считал классовую борьбу, которая сводится исключительно к экономическим причинам, игнорируя все иные аспекты общественных конфликтов. «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении частной собственности, в экономике»³. А главным источником революции и фактором общественного развития является противоречие между развитием производительных сил и производственных отношений. Маркс и Энгельс отвергали саму идею социалистической революции в «отставших» западных странах, саму возможность такой революции, совершенной угнетенными народами: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как “всемирно-историческое” существование»⁴.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор. Почетный работник высшего образования РФ. Член Союза театральных деятелей РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Театроведение и наука», «Культура в пространстве жизни».

² От марксизма к идеализму: сб. ст. (1896–1903). СПб., 1903. Цит. по: *Соболевская А. А.* Уроки о. Сергия Булгакова: поиски путей социально-экономического устройства России. «Преодоление времени». М.: МГУ, 1998. С. 373.

³ *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. М., 1974. Т. 42. С. 117.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. М., 1955. Т. 3. С. 33–34.

Сегодняшняя «революционная динамика» мира в значительной степени подтверждает эти мысли Маркса. В истории не было столь радикальных трансформаций в сравнительно короткий промежуток времени, многие из которых воспринимаются (не без оснований) как катастрофические: отказ от традиционной системы ценностей, ошеломляющие движения в области науки, технологическая революция (несводимая к сфере техники), утрата устойчивых идентичностей в области образования, спорта, искусства. «Мы переживаем этап, подобный возникновению жизни на Земле», — такие слова прозвучали на недавнем Международном форуме культуры в Петербурге. Не только слово «будущее» оказалось наиболее употребительным, но и обозначаемое им содержание обрело не совсем привычный смысл. Фонд Гайдара провел цикл лекций «Экономика наступившего будущего»; театральные фестивали в Хеллерау (Германия, 2017) назывались «Реконструкция будущего»; недавняя статья, опубликованная в известной газете, озаглавлена «Память будущего». Конечно, во всех этих наименованиях присутствует метафорический смысл, но все они объединяются ощущением будущего как некой осуществленной *данности*.

Разумеется, это не так. Будущее не есть объект, наделенный уже существующими реальными свойствами, которые откроются в результате краткого или долгосрочного движения к нему. Будущее и есть процесс его реализации, становления, спонтанного самотворения. Любое прогнозирование, особенно глобальное, не имеет непреложных результатов — только ориентировочные. Развитие — не линейное восхождение. Качественные изменения могут быть как прогрессивными, так и регрессивными, а также на одном уровне организации. Возможны взрывные скачки, тупиковые ответвления, отмена прежней логики процесса, его возвратная направленность.

Но человек разумный не может существовать вне прогнозирования и планирования своей жизни. Давняя очень простая и хорошо сформулированная мысль Маркса об отличии самого плохого архитектора от самой искусной пчелы: прежде чем построить ячейку из воска, человек уже построил ее в своей голове. Образ желаемого и возможного будущего, пусть не вполне заверченный, существующий в виде контура, на протяжении всей человеческой истории выступал содержанием мифов, утопий и антиутопий, визионерских открытий, фантазий художников и предсказаний теоретизирующих футурологов. В развитом цивилизованном обществе эту роль целеполагания деятельности, неотделимую от осознания системы отношений людей друг к другу и к миру в целом, осуществляет идеология будущего. Серьезное понимание настоящего невозможно не только вне постижения прошлого, но и без учета тенденций развития, предвидимых наукой и образно представленных искусством. На уровне переживания, вкусовых предпочтений есть жизненные пози-

ции пессимизма (пристрастного отношения к прошлому), презентализма (преимущественной ориентации на нынешний день), футуризма (обращенности к будущему в ущерб настоящему и прошлому), часто подкрепленных остроумными наблюдениями, меткими афоризмами и цитатами. Однако в реальном историческом процессе отношения старого и нового не представляют собой самоочевидную хронологическую последовательность, но в большом историческом времени и на огромном планетарном пространстве обнаруживают некую смысловую общность, с особой устойчивостью открывшуюся в XX веке.

В диалоге культур открываются различия в явлениях внешне сходных и смысловое единство — в различиях. Мировая культура строится на базисных, фундаментальных основаниях человеческой жизни, она воплощает их и одновременно участвует в порождении и закреплении смыслов истории. Человеческая жизнь «человекообразна» и в своих главных качествах определяется экзистенциально-нравственным выбором: возможно «увеличение» жизни (по Л. Толстому — «движением от себя к Богу»), равно как и ее «сокращение» — глупым, бесформенным, бессмысленным, безответственным проживанием. Бытие человека сплошь проблематично: постоянно решается вопрос соответствия его существования сложному, противоречивому миру, где неразрывно связаны естественное и искусственное, духовное и телесное, биографическое и биологическое, порядок и хаос, преднамеренное и непреднамеренное, полезное и вредное; одновременная жизнь — и в природе, и в культуре.

Движение в будущее, конечно, определяется объективно формирующимися в истории детерминантами (мир развивается сам по себе), но историческая необходимость не дана человеку вне его внутренней свободы, вне активного выбора. Вместе с тем надо осознавать, что органичное проживание прошлого («любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»), равно как и заинтересованная обращенность в будущее, — не предикаты естественно-органического существования жизни, но следствие укорененности в человеческом мире, в мире культуры. При всей сложности исторического процесса и многомерности его оценок смыслообразующим началом истории является

совершенствование человека и его жизни. Очеловечивание мира есть главная цель человеческого бытия. Вне решения этой задачи нет *человеческого будущего*. Humanitas, человечность — равносущностная характеристика человека и оценочный критерий его развития, и в этом качестве она все больше утверждается в культуре. Время простых идентичностей, конечно, прошло, но тем не менее что-то позволяет нам отнести те или иные явления к определенной сфере человеческого мира. Что составляет эту «чтойность»? Кризис идентичности не обошел и самого человека. Мы сегодня не очень ясно понимаем не только что такое искусство, образование, художник, но и что такое человек. А что такое «постчеловек», «постчеловечество», «посткультура»? Если «пост-», то почему в этом словосочетании после приставки остаются «человек», «человечество» и «культура»? По предположению Рэймонда Курцвейла, в какой-то момент (по его мнению, уже близкий) небиологическое в человеке будет превалировать, а биологическое, возможно, совсем уйдет. Останется ли тогда человек?

Разумеется, эта проблема нуждается в серьезном анализе, и работ такого рода достаточно много в России и за рубежом. В одном из интервью середины 1980-х годов Д. С. Лихачев, отметив «зарождающуюся и все набирающую силу тенденцию гуманизации всей нашей жизни», предложил понятие «гомосфера» («человекосфера»), содержащее в своей основе человечность, гуманность, одухотворенность. Дмитрий Сергеевич пояснил, что пока это только штрихи, знаки, намеки, но благодаря им «уже вполне обозримо будущее»¹. Представляя «идеальную модель человека будущего», которого надо формировать уже сегодня, М. С. Каган говорил о еще не известном истории психологическом типе человека, «в чьем мировоззрении уравниваются рациональная и эмоциональная энергия его духовного мира», а высокая образованность органично соединяется с развитым нравственным сознанием². Завершаю доклад этими цитатами не только потому, что уместно еще раз отдать дань памяти выдающимся ученым, чьими именами освящены нынешние Чтения, но и по глубокому убеждению, что вне духовно-нравственных оснований человека и его культуры ни о каком будущем говорить невозможно.

¹ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 16

² Каган М. С. О времени — о людях — о себе. СПб., 2005. С. 300.